

БУДУЩЕЕ ЯЛТИНСКОГО СОГЛАШЕНИЯ

I

Начавшийся в Ялте процесс все еще не завершился. Заключенное на Ялтинской конференции соглашение имеет более глубокие корни и его будущее может оказаться гораздо более злободневным, чем принято считать. Спустя сорок лет после судьбоносной крымской встречи большой тройки союзников по второй мировой войне (эта встреча состоялась 4–11 февраля 1945 г.), наше внимание до сих пор в гораздо большей степени сосредоточено на мифе, созданном вокруг Ялтинской конференции, чем на его непреходящем историческом значении.

Миф этот утверждает, что в Ялте Запад смирился с разделом Европы. Но в действительности Уинстон Черчилль и Франклин Д. Рузвельт отдали Восточную Европу Иосифу Сталину де факто еще на Тегеранской конференции (в ноябре–декабре 1943 г.), а в Ялте лидеры Великобритании и Соединенных Штатов начали испытывать даже некоторые сомнения в правомерности этой уступки. Тогда они предприняли отчаянную, но безуспешную попытку выработать какие-нибудь условия, способные обеспечить, по крайней мере, минимальную свободу для Восточной Европы, чтобы сохранить англо-американские надежды относительно демократии на всем европейском континенте. Однако западные лидеры не сумели противостоять зарождающейся, но уже ничем не брезгующей и жестокой, послевоенной мощи СССР, и в последовавшей схватке между сталинской властью и западной наивностью возобладали силы.

Не утраченное и ныне значение Ялты в том, что она проливает свет на неослабевающие амбиции России в отношении Европы. Ялта стала последним этапом в тщательно выверенных

усилиях советской дипломатии заручиться молчаливым согласием англо-американских союзников на главенствующую роль СССР в Европе. В Ялте были сделаны лишь робкие попытки вернуться к обсуждению проблемы Восточной Европы. Запад, кроме того, отклонил, но опять-таки недостаточно твердо, притязания Советского Союза на доминирующую позицию на всей западной части Евразийского материка.

Таким образом Ялта до сих пор имеет огромное геополитическое значение, так как она символизирует незаконченную борьбу за будущее Европы. Спустя сорок лет после Ялты эту борьбу все еще ведут Америка и Россия, но теперь уже очевидно, что эта борьба вряд ли приведет к конструктивному результату, если в ней не возьмет на себя более активную роль объект этой борьбы, то есть, сама Европа.

II

Поверженная Европа служила декорациями ялтинской драмы. Эта когда-то доминирующая в мире цивилизация совершила историческое самоубийство в результате двух разрушительных войн, прошедших на протяжении всего лишь четверти века. Когда лидеры британской и американской демократий встретились с грузинским тираном великой Российской империи для определения будущего Европы, сама континентальная Европа в этом обсуждении не участвовала. Тем временем судьба ее в значительной мере решалась на полях сражений огромными армиями, входившими с востока и с запада в Германию — сердце Европы.

До Ялты главной проблемой, осложнявшей отношения внутри военного союза, была Польша, этот ключ к контролю над Восточной Европой. Со временем все большее значение стала приобретать Германия — ключ к контролю над Западной Европой. Польша была для Москвы выходом на Запад, и потому Кремль в своей дипломатии военного времени был абсолютно бескомпромиссен в вопросе о будущем Польши. Позже Черчилль писал в своих мемуарах, что польская проблема стала „первой из основных причин разрыва Большого Союза”, но ни он, ни его партнер по другую сторону Атлантического океана — президент

Рузвельт, по-видимому, не оценили стратегической важности Польши, не попытались воспользоваться первоначальной слабостью русской позиции для удовлетворительного разрешения польско-советских разногласий, возникших в результате захвата Советским Союзом половины Польши в 1939 году после заключения пакта Молотова — Риббентропа.

Сталин верно увидел в этом территориальном споре возможность превратить независимость Польши в ее зависимость от Москвы. Это видели и поляки. В преддверии Тегеранской встречи польский премьер-министр в отчаянии предупреждал Черчилля (как это подтверждается записью Уильяма Стронга от 9 сентября 1943 года), что существом разногласий между Россией и Польшей является „не только вопрос о границах, но и сущность их взаимоотношений и, в первую очередь, вопрос существования Польши как независимого государства...”.* Месяцем позже министр иностранных дел Антони Иден сообщил на заседании военного кабинета министров Великобритании о своей беседе с премьер-министром Польши 6 октября и привел его слова, что „общая позиция Сталина — по отношению к Польше, по отношению к Германии и германскому освободительному движению и по вопросам, затрагивающим другие оккупированные страны, а также репутация и менталитет Сталина заставляют думать о его гораздо более широких замыслах, чем притязания на восточные районы Польши. Эти районы, будучи стратегически важными для Польши, ни в коем случае не представляются жизненно необходимыми для России”. Наконец, накануне встречи в Тегеране, 22 ноября Иден информировал военный кабинет об опасениях поляков, „что далеко идущей целью России является создание в Варшаве марионеточного правительства и превращение Польши в советскую республику...”.

Англичане гораздо более благодушнее оценивали преследуемые

* Этот и другие приведенные документы опубликованы в сборнике под редакцией А. Полонски — A. Polonsky. *The Great Powers and the Polish Question*. London, L.S.E., 1976. See also V. Mastny, *Russia's Road to the Cold War*, New York, Columbia University Press, 1979.

Сталиным цели. Иден на основании „британского опыта” уверял поляков, что „Сталин не так уж непреклонен”. Внутренний меморандум Идена о подготовке к предстоящей Тегеранской конференции свидетельствует, что Объединенное Королевство было готово удовлетворить территориальные претензии Сталина, надеясь достичь таким образом приемлемых политических соглашений. Американцы в еще большей степени были готовы на уступки Сталину. В конце ноября – начале декабря 1943 г. в Тегеране и Черчилль, и Рузвельт согласились на изменение польских границ без всяких дальнейших консультаций с поляками, и в принципе уступили претензиям Москвы на главенствующую роль на Балканах.

Ситуация усугублялась еще и тем, что, вынудив поляков на территориальные уступки Москве в надежде удовлетворить таким образом аппетиты русских, англичане и американцы не давали Польше заверений о компенсациях за счет западных территорий. Встав на позицию, что вопрос об изменениях германских границ должен обсуждаться лишь после окончания войны, Лондон и Вашингтон ставили Польшу в отчаянное положение. В результате большая часть поляков отвергала какой-либо компромисс на том основании, что урезанная Польша не сможет выжить как самостоятельная государственная единица; другая часть, шокированные и обозленные, начинали видеть в Москве единственную силу, поддерживающую идею передачи Польше отторженных от Германии земель в качестве компенсаций за польские территории, захваченные Россией. Однако ценой за это неизбежно должна была стать зависимость Польши от России и, как следствие, советское доминирование в Восточной Европе.

Ко времени Ялты Польша была оккупирована Красной Армией, а в Варшаве было образовано новое правительство, поддерживаемое Сталиным. В Ялте Запад требовал от СССР обещания расширить это созданное Советским Союзом варшавское правительство, с тем, что после проведения свободных выборов это правительство будет признано Западом. Однако западные лидеры согласились не включать обязательства, касающиеся проведения свободных выборов, в текст совместного коммюнике, выпущенного в заключение Ялтинской конференции. В результате организация выборов в Польше стала исключительной прерогативой

СССР, и итог их таким образом был предreshен. (Наконец, западные державы признали варшавское правительство в середине 1945 г., хотя выборы вопреки Ялтинскому соглашению не были проведены.)

III

Предreshив судьбу польского вопроса полностью в пользу России, участники Ялтинской конференции начали сражение за будущее Германии. Восточная Польша была поглощена Советским Союзом, но Запад продолжал возражать против значительного расширения Польши за счет германских территорий. Вначале русские не имели решения, насколько активно они должны поддерживать польские претензии. Но на Потсдамской конференции в июле 1945 года, последовавшей за окончательным падением Германии, Сталин, очевидно, заключил, что при прочном укреплении его войск в центре Германии, он может себе позволить удовлетворить нужды Польши (и таким образом навсегда закрепить ее зависимость от России), продолжая борьбу за преобладающую советскую роль в Западной Европе.

Для Сталина эта борьба была сутью его военного союза с Западом. В конце 1943 года, накануне Тегеранской конференции, Сталин, чьи армии в то время еще сражались на советской земле, сумел добиться согласия Запада на значительную роль в послевоенной Германии и Италии, а также, с молчаливого согласия Запада, торпедировал польско-чехословацкие планы относительно создания конфедерации Центральной Европы, которая могла бы стать препятствием советскому доминированию в этом регионе.

Тегеранская конференция еще более стимулировала надежды Сталина, что англичане будут не в состоянии, а американцы не пожелают оказывать сопротивление далеко идущим замыслам, которые он постепенно выявлял, не переставая при этом осторожно выявлять планы и желания своих английских и американских партнеров. Все это время Сталин и его окружение весьма искусно играли на антиимпериалистических настроениях американцев, чтобы ослабить роль Британии во всех послевоенных соглашениях, а, с другой стороны, на соперничестве Британии и Франции,

чтобы иметь гарантию, что в послевоенной Западной Европе не возникнет какой-либо центр, обладающий эффективной мощью. В советской интерпретации склонность Рузвельта к разговорам о „четырех мировых полицейских” могла иметь лишь одно геополитическое значение: главной заботой США будет западное полушарие; слабый Китай будет слишком поглощен собственными проблемами, обанкротившаяся Великобритания запуталась в разрешении своих имперских дилемм и, таким образом, большая часть Евразии будет предоставлена заботам „четвертого полицейского”.

Чтобы выяснить реакцию Запада на его замыслы, Сталин использовал как приманку два различных плана относительно Европы. Хотя мы никогда не узнаем были ли эти планы взаимозаменяемыми, или же представляли соперничающие концепции, но оба они предусматривали ведущую роль СССР во всей Европе. Их существо было сжато изложено 31 августа 1943 года в беседе между министром иностранных дел Великобритании Иденом и советским послом в Лондоне Иваном Майским. Иден пишет об этой беседе:

*„...Продолжая, Майский сказал, что существуют два возможных пути послевоенной организации Европы. Мы можем согласиться с тем, что каждый будет иметь сферу своих интересов: русские на Востоке, а мы и американцы на Западе. Он сам не был сторонником этого плана, но, если он будет принят, мы сможем исключить русских из участия во французских делах, в разрешении средиземноморских вопросов и т. д., а русские потребуют такой же свободы на Востоке. Если же, с другой стороны, оба наши правительства, а также Соединенные Штаты согласятся на том, что Европа должна представлять единое целое, что для его правительства было бы гораздо предпочтительнее, то тогда каждая сторона должна согласиться на право другой охранять свои интересы во всех частях Европы. Иными словами, если нас беспокоит судьба Чехословакии и Польши, а Соединенные Штаты озабочены проблемой Прибалтийских государств, то мы должны понимать озабоченность, проявляемую Россией по отношению к Франции или Средиземноморью...”**

* Polonsky, op. cit.

Последний вариант, очевидно, поддерживал, по крайней мере до Ялты, Максим Литвинов — в прошлом советский нарком по иностранным делам и посол СССР в Вашингтоне. Этот план строился на невысказанном предположении, что Америка прекратит свое военное присутствие в Европе; что после войны сохранится по крайней мере видимость согласия между Советским Союзом и его основными союзниками военного времени, и был рассчитан на использовании идеалистической неприязни американцев к сферам влияния. План этот не только отводил СССР роль во всей оккупированной Германии, но на самом деле был слегка завуалированным проектом устройства Европы, косвенно управляемой Советским Союзом — единственной действительной силой в этом регионе. Британское влияние было бы ограничено несколькими прибрежными районами, Франция играла бы незначительную роль, в то время как продолжающееся советско-американское соглашение основывалось бы на предполагавшемся американском невмешательстве в европейские дела. Не приходится сомневаться, что советские руководители серьезно относились к неоднократным намекам Рузвельта в Тегеране и позже в Ялте о том, что Соединенные Штаты не собираются по окончании войны продолжать свое военное присутствие в Европе. Учитывая их идеологию, можно сказать, что советская уверенность укреплялась склонностью Рузвельта в частных беседах со Сталиным в самых отрицательных выражениях отзываться и об англичанах и о французах. Они могли усматривать в этом подтверждение теории о „неизбежности противоречий между капиталистическими государствами”.

Альтернатива этой стратегии доминирования с согласия Запада была связана с именем основного противника Литвинова и его преемника в области иностранных дел Вячеслава Молотова. Она предусматривала неизбежность столкновения советских и американских интересов, которое скорее всего должно было произойти после ожидаемого ухода США из Европы и, возможно, в контексте обострения конфликтов в капиталистическом мире. Молотовская стратегия исключительного контроля как свершившегося факта (*fait accompli*) отводила большее значение прямому подчинению Восточной Европы и, в зависимости от возможностей, части Центральной Европы, при продолжении

энергичных усилий по утверждению значительной роли СССР на Западе и равного статуса в отношениях с Соединенными Штатами с правом вето. В более конкретных дискуссиях относительно послевоенного переустройства Германии Сталин проявлял осторожность, оставляя тем самым за собой свободу маневрирования. Одно время, он, казалось, поддерживал идею создания центрального германского правительства, затем, напротив, стал склоняться к разделу Германии на несколько государств. Но, во всяком случае, он постоянно настаивал, чтобы за Советским Союзом оставалось решающее слово относительно судьбы Германии и прилагал все усилия к тому, чтобы воспрепятствовать восстановлению в Западной Европе какой-либо значительной силы.

С продвижением советских армий на запад претензии Сталина приобретали более ясные очертания, как в территориальном, так и в политическом смысле. Кроме закрепления за собой всех территорий, захваченных за время сотрудничества с Гитлером, в конце 1944-го – начале 1945 года Советский Союз стал претендовать на норвежские земли (Медвежий остров и Шпицберген) и дальневосточные территории (Южный Сахалин и Курильские острова в сочетании с господствующим положением в Маньчжурии и Внешней Монголии). Кроме того, Сталин добивался участия в контроле над Танжером и частью итальянских колоний в Средиземноморье за предложенные им совместные действия против франкистской Испании и усиление политического нажима на нейтральные Швейцарию и Швецию. Позже последовали требования территориальных уступок со стороны Турции. Больше того, советская сторона постоянно представляла Францию полностью деморализованной и ничего не стоящей, утверждая тем самым наличие политического вакуума в Европе.

Неподготовленность англо-американцев и их постоянная неспособность осознать масштабы советских претензий тем более поразительны, если вспомнить, что замыслы Сталина в большой степени отражали традиционные цели России. И в самом деле, они были настолько сходны с устремлениями царского правительства в первую мировую войну, что можно было подумывать, будто старые планы русского двора были отысканы в архивах и использовались Сталиным и Молотовым. Тридцатью годами

ранее, в конце 1914 года, императорский кабинет министров также занимался проблемой Польши в связи с планами России по послевоенному переустройству. Проект, поддержанный большинством, предусматривал в качестве основной послевоенной задачи России реставрацию Польского королевства, но под русским покровительством. Однако план меньшинства, подготовленный наиболее реакционными членами кабинета, шел гораздо дальше и определял послевоенные цели России как намного более амбициозные.

Главной целью России по этому плану было ее „усиление в этническом, экономическом и стратегическом смысле” при „возможно большем ослаблении германизма как основного врага славянства и России в настоящее время” и „возможное освобождение других славянских народов из-под власти Германии и Австро-Венгрии (насколько такое освобождение не противоречит прямым интересам России)”. Для достижения этого России необходимо было добиться следующих целей, изложенных в порядке их важности:

- 1) завершение исторической задачи объединения всего русского народа путем воссоединения Восточной Галиции, Северной Буковины и Закарпатской Руси с Россией;
- 2) реализация исторических целей России на Черном море путем аннексии Царьграда (Константинополя) и Турецких проливов;
- 3) расширение государственных границ России за счет Восточной Пруссии и азиатской части Турции;
- 4) внутреннее ослабление Германии во всех отношениях путем ее полного территориального переустройства на новой основе, возможно, путем уменьшения территории Пруссии в пользу Франции, Бельгии, Люксембурга, Дании и мелких германских государств и восстановления королевств Ганновер, Гессен и т. д.;
- 5) объединение и освобождение Польши в возможно более широких границах, но в пределах скорее этнографических, а не в исторических (которые противоречили бы интересам, преследуемым Россией на протяжении всей ее истории);

6) освобождение оставшихся австрийских славян.*

В этих планах, подготовленных наиболее националистическими и реакционно настроенными членами царского кабинета министров, поражает их полная идентичность с советскими послевоенными целями, определенными Сталиным и Молотовым. Все перечисленные выше цели стали целями Сталина. Присоединение нескольких областей польской Галиции, никогда ранее не входившей в состав России, а также чехословацкого Закарпатья идентичны первой цели 1914 года. Сформулированной во втором пункте цели Советскому Союзу не удалось добиться, но его представители настаивали на ней в беседах с западными союзниками (видимо, памятуя, что весной 1915 года Франция и Англия пошли на подобные уступки царской России); третья цель относительно Восточной Пруссии была достигнута (опять сюрприз для Запада), и в 1945 г. СССР добивался территориальных уступок от Турции, но без успеха; четвертая цель была достигнута в несколько иной форме в Германии; что касается пятой цели, то Польшу отодвинули на Запад гораздо дальше, чем казалось возможным в 1914 г., но практически был достигнут тот же результат — образование Польши, территориальная целостность которой в огромной степени зависит от России.

Таким образом, советские послевоенные цели можно разделить на три категории: во-первых, восстановление территориального статус-кво, существовавшего в июне 1941 г.; во-вторых, установление угодных Советскому Союзу политических режимов в Центральной и Восточной Европе; в-третьих, получение влиятельного голоса в политической организации остальной Европы. Советские руководители были абсолютно бескомпромиссны и совершенно откровенны в достижении своей первой цели, однако они были готовы замаскировать вторую цель, если это оказалось бы необходимым для достижения третьей. Теперь забылось, насколько неопределенной была роль США

* Gifford D. Malone, RUSSIAN DIPLOMACY AND EASTERN EUROPE, New York: King's Crown, 1963. pp 20–21, 139–40. Автор цитирует „Русско-польские отношения в период мировой войны” (М., 1926).

в послевоенной Европе, так как нежелание американцев во время войны заниматься послевоенными проблемами создавало впечатление, что по окончании войны Америка опять замкнется в изоляционизме.

С продвижением советских войск на запад, стремление СССР к достижению второй цели становилось все более беззастенчивым и принимало характер грубых демонстраций, когда советские представители начинали осознавать, что им не удастся добиться молчаливого американского согласия на достижение третьей цели. Сталин и его коллеги поняли это с особенной ясностью после Ялты.

IV

Таким образом можно сказать, что Ялта положила начало послевоенной схватке за Европу. Ялтинские соглашения были восприняты на Западе как абсолютный дипломатический триумф, ведущий к продолжительному периоду согласия между Востоком и Западом. Спустя сорок лет та же самая Ялта вызывает такие же упрощенные, но уже противоположные эмоции. Теперь Ялта — синоним предательства. Когда ялтинские соглашения были опубликованы, они, согласно редакционной статье „Нью-Йорк Таймс” от 13 февраля 1945 г., „оправдали и даже превзошли большинство ожиданий, возлагавшихся на эту судьбоносную встречу..., указали путь к быстрейшей победе в Европе, к прочному миру и светлому будущему”.

Самнера Уэллса можно было обвинить даже в некоторой пристрастности, когда он заявил („Вашингтон Пост”, 28 февраля 1945 г.), что „... Ялтинское коммюнике, что бы ни ждало нас в будущем, навсегда останется гигантским шагом вперед к установлению мира и порядка на земле”. Даже такой опытный обозреватель, как Уолтер Липпман присоединился к общему хору. В „Нью-Йорк Геральд Трибюн” от 15 февраля 1945 г. Липпман сообщал своим читателям, что Черчилль, Сталин и Рузвельт „порвали с обычной традицией, согласно которой коалиция победителей распадается по мере того, как война, породившая ее, подходит к концу... Нынешнее военное сотрудничество доказало, что оно не временное явление, необходимое лишь перед

лицом общего врага, но и основа подлинного, нового мирового порядка”.

Голоса скептиков были едва слышны в общем хоре похвал. „Уолл Стрит Джорнал” предупреждал 16 февраля 1945 г., что соглашение, достигнутое в Ялте относительно Центральной Европы, „может привести лишь к ухудшению отношений между Соединенными Штатами и Россией”, в то время как пронизательный француз Андре Виссон в статье, опубликованной в „Вашингтон Пост” 18 февраля 1945 года и озаглавленной „Сверхдержавы и малые нации”, отмечал, что Соединенные Штаты, наконец, начинают принимать на себя обязательства относительно будущего Европы и проявляют признаки готовности даже воспротивиться советскому доминированию в Восточной Европе в отличие от Тегерана, когда они казались абсолютно безразличными к послевоенному устройству и были готовы согласиться с „разделением Европы на две зоны влияния”.

На самом деле Ялта была последней попыткой партнеров военного времени сообща заняться послевоенным устройством мира. В отличие от Тегерана, где Черчилль еще выступал с Рузвельтом на равных, в Ялте инициативой завладели американцы, что предвещало зарождение двух полюсов в мире. Определяющим моментом в Ялте было столкновение между благими, но неопределенными намерениями Рузвельта по поводу организации послевоенного будущего Европы и обдуманной, целеустремленной „неопределенностью” намерений Сталина относительно пределов, до которых простиралось желание России распоряжаться этим будущим. Первому страстно хотелось верить в послевоенное сотрудничество, в то время, как последний лишь умышленно пользовался этой верой, осуществляя между тем свои цели явочным порядком и одновременно добиваясь от союзников согласия с советскими претензиями как на западе, так и на востоке Евразийского континента.

В результате Ялтинское коммюнике оказалось откровенно эскепистским. Его положения, касающиеся свободных выборов в Польше были, в лучшем случае, лишь фиговым листком, прикрывавшим абсолютное советское господство, а риторические рассуждения о будущем мире просто заслоняли зарождающиеся и весьма серьезные разногласия между двумя главными силами.

Как бы то ни было, эта риторика помогла ввести общество в заблуждение относительно истинных намерений России, затруднив, таким образом, западным демократиям поиски эффективного подхода к зарождающейся конфронтации между Востоком и Западом.

Потерпев поражение в создании гармоничного мира и в то же время подтвердив уступки, сделанные ранее в Тегеране, Ялтинская конференция, в результате стала символом разделения Европы. Потсдамская встреча, последовавшая за ялтинской, стала, по существу, лишь вздорным спором по разделу добычи. Именно в Ялте западным лидерам пришла в голову запоздалая догадка, что отдать Восточную Европу в распоряжение Москве значит положить начало борьбе за Центральную и Западную Европу. Для Сталина же уклонение Запада от удовлетворения более широких советских целей предвещало лишь более сложную политическую борьбу в будущем, чем он полагал ранее. С этого времени главным направлением советской внешней политики становится вытеснение Соединенных Штатов из Евразии.

V

Это направление советской внешней политики развивалось на протяжении сорока лет и сегодня оно по-прежнему является ее центральным мотивом. Одновременно росла решимость СССР предотвратить возникновение истинной Европы, объединенной общей политической волей. Эти последние четыре десятилетия преподали нам важный стратегический урок: так называемое наследие Ялты (а конкретнее – разделение Европы) может измениться либо в пользу Советского Союза по более тонкому литвиновскому плану о доминировании СССР в Европе с молчаливого согласия бывших союзников, либо в пользу Европы в результате перемен, вызванных формированием „истинно европейской Европы”, способной не только привлечь на свою сторону восточноевропейские страны, но и ослабить советский контроль в этом регионе. Америка не имеет ни возможностей, ни воли радикально менять ситуацию в Восточной Европе, а грубые советские попытки запугать Западную Европу лишь способствуют укреплению атлантических связей.

Из двух основных соперников Советский Союз гораздо настойчивее, чем США, стремился к повороту в геополитике, определяющей судьбу Евразии. В Ялте у советских возникли опасения, что Америка не уйдет полностью из Европы; Потсдам укрепил их, а последовавшее вскоре осуществление плана Маршалла подтвердило то, чего Москва боялась больше всего: Америка, вопреки надеждам и ожиданиям Сталина, стала укрепляться на континенте, фактически поставив под контроль экспансию советской державы.

Последующая история перемежалась более явными и прямыми попытками СССР испытать прочность американского присутствия, а также бесчисленными попытками подорвать его. Политическая кампания, направленная против плана Маршалла, и решение Сталина об отказе Польши и Чехословакии от этого плана были продиктованы стратегическим заключением, что Америка не откажется от активности в европейских делах, и что в этих условиях затяжной политической конфликт неизбежен. Берлинский кризис стал испытанием прочности неожиданно проявленной Соединенными Штатами решимости играть важную роль в урезанной Германии.

Необходимо совершенно ясно осознать, что ни в предпринятой Сталиным блокаде Берлина, ни в берлинском кризисе времен Хрущева, спустя десятилетие, сам Берлин не имел решающего значения. В обоих случаях испытанию подвергалась стратегическая связь Америки с Западной Европой. Именно поэтому и Сталин, и Хрущев были готовы на риск высокой напряженности – опасно высокой – в отношениях с США, чего сам по себе Берлин не стоил. Если бы советские лидеры преуспели в этом, Германия была бы охвачена паникой и хваленая решимость США защищать Европу оказалась бы пустыми словами. Геополитический эффект советского успеха в Берлине состоял бы в установлении советского господства над Западной Европой.

В берлинских кризисах наиболее ярко проявилась упорная решимость СССР подорвать Атлантический оборонительный союз. Однако главной целью советской дипломатии на протяжении всего послевоенного периода было препятствование возникновению геополитически действенной Европы не только в ка-

честве соперника, но даже просто как соседа. В своей внешней политике СССР, используя все дипломатические ухищрения, в том числе такие скрытые возможности как западноевропейские компартии и их бесчисленные попутчики, активно боролся против возникновения Европейского Оборонительного Сообщества, и, кроме того, упорно препятствовал превращению Европейского Экономического Сообщества в политическую силу; даже если Западную Европу невозможно оторвать от Америки, она, по крайней мере, должна оставаться слабой и разрозненной.

Стремление вытеснить Америку из Европы отнюдь не утихло в Кремле. Именно это стремление движет нынешним советским руководством – по сути своей наиболее сталинским, чем какое бы то ни было после 1953 года. Стремясь использовать западноевропейское „движение за мир” и обеспокоенность антисоветской риторикой правительства Рейгана, нынешнее советское руководство решило превратить вопрос о ядерных силах среднего радиуса действия в новое испытание решимости США, в перспективе нацелившись на Северо-Атлантическое оборонительное сообщество. Решение СССР прервать двусторонние переговоры по контролю над вооружениями до тех пор, пока США не вывезут из Европы свои Першинги и крылатые ракеты, было равносильно попытке публичного шантажа Соединенных Штатов с далеко идущими в стратегическом отношении последствиями. По существу, это эквивалент берлинского кризиса.

Но советское руководство снова переоценило свои возможности. Его неуклюжая тактика способствовала поражению нейтралистской Социал-Демократической партии в Германии, дискредитации сторонников одностороннего разоружения в руководстве лейбористской партии Великобритании и стимулировала убедительную демонстрацию солидарности Западной Европы с Америкой по этому вопросу. (Можно добавить, что почти одновременно нынешнее советское руководство и в Японии вызвало наиболее высокую степень антисоветских настроений со времени Второй мировой войны.) Все эти действия советского руководства объясняются завышенной оценкой нейтралистских настроений и степени заинтересованности населения всей Западной Европы и даже Германии в разрядке напряженности

между Востоком и Западом. Возможно, советское руководство преувеличило также влияние значительного усиления стратегической силы СССР на общественное мнение в Западной Европе, особенно по сравнению с берлинскими кризисами конца 40-х и конца 50-х годов. Советские лидеры, возможно, рассчитывали, что сочетание особой заинтересованности Западной Европы в разрядке с растущим страхом перед советской военной мощью (особенно в связи с массовой установкой СС-20, нацеленных на Западную Европу) может заставить западноевропейцев – если не американцев – пойти на одностороннее соглашение. Иными словами, они слишком положились на элементарное политическое запугивание.

Памятуя о настойчивом желании СССР подчинить Западную Европу, не следует слишком обольщаться этим политическим провалом советского руководства, так как этот провал был обусловлен в гораздо большей степени грубостью советской тактики, чем сопротивляемостью Западной Европы. В действительности Западная Европа как таковая не возродилась политически. В этом отношении можно сказать, что Советский Союз хотя бы отчасти добился того, что было его целью со времен Ялты. Европа остается разделенной, и это подогревает не только растущее возмущение советской гегемонией в Восточной Европе, но и роль Америки в Западной Европе. Эту ситуацию советская дипломатия, действуя изощренно и умно, в какой-то момент может и использовать.

Политическая реальность такова, что Америка не может ликвидировать разделение Европы, и это разделение активизирует американско-советское соперничество, которое, в свою очередь, увековечивает это разделение. Хотя Америка время от времени пыталась ослабить цепи, приковавшие Восточную Европу к Москве, в действительно критические моменты Америка предпочитала не подвергать прямому испытанию советское доминирование там. Американская политика направлена на осторожное поощрение мирной эволюции Восточной Европы в направлении большего плюрализма. Это долгий процесс, который к тому же может быть повернут вспять при помощи силы, о чем свидетельствует, например, введение военного положения в Польше в 1981 году. Во всяком случае, в 1953 г., когда Восточ-

но-германский режим обанкротился, и в 1956 г., когда восстала Венгрия, и в 1968 г., когда Чехословакия пыталась освободиться мирным путем, но подверглась советскому военному вторжению, Соединенные Штаты занимали пассивную позицию, замаскированную антисоветской риторикой. Можно спорить о том, возможно ли было сделать что-либо большее, но бесспорно, что сделано было немного.

VI

Эта осторожность США одна из причин убеждения европейцев в неспособности Америки ликвидировать разделение Европы. Другие причины еще более существенны. Америка не может ликвидировать разделение Европы, не нанеся фактического поражения России, а этому русские должны и будут упорно сопротивляться. Точно так же как прямое вытеснение Америки из Западной Европы будет воспринято США как неприемлемое поражение. В то же время разделение Германии на фоне разделенной Европы остается животрепещущей проблемой, делает неизбежным продолжение политической схватки за будущее Германии и тем самым за будущее Европы. Это сводит Америку и Россию в стратегическом конфликте, где ставка настолько высока, что ни одна из сторон не может смириться с прямым поражением. Разделенная Германия будет постоянным катализатором перемен, и будущее Европы остается насущной проблемой, несмотря на тупик последних сорока лет.

Ситуация могла быть совершенно иной, если бы граница, разделяющая Европу, не оказалась бы одновременно границей, разделяющей Германию. Если бы вместо Эльбы американско-советская геополитическая граница была бы установлена на Рейне или по линии Одер–Нейсе, разделение Европы на сферы влияния оказалось бы более точным и политически гораздо легче поддерживаемым. Если бы граница, разделяющая Европу, пролегла на Рейне, остальные западно-европейские страны были бы настолько испуганы советским присутствием, подкрепленным советизированной Германией, что вынуждены были бы установить как можно более тесные связи с Америкой, совершенно не помышляя о находящейся под советским господством Восточной

Европе. Если же, с другой стороны, советское влияние распространялось бы лишь до линии Одер-Нейсе, то поляки и чехи были бы настолько испуганы, что поддерживаемая Америкой Германия может возобновить свое традиционное стремление на восток (*Drang nach Osten*), что разделение Европы занимало бы их в последнюю очередь.

Нынешняя тупиковая ситуация все в большей степени возмущает всех европейцев. Западные немцы, которых не мучает больше чувство вины за вторую мировую войну, менее поддающиеся гипнозу американского идеала, разочарованные неспособностью Европы стать альтернативой разъединяющему национализму, естественно начинают проявлять все большую озабоченность судьбой своих братьев, живущих в условиях чужеродной для них системы. Концепция, ставящая объединение Германии в зависимость от тесных связей с Россией, не нова в германской политической традиции. Разочарование и безысходность, вызванные разделением нации, дают этой концепции новые жизненные силы. К тому же не только для Германии, но для всей Западной Европы, Восток имеет особую экономическую привлекательность. Он был традиционным рынком западно-европейских промышленных товаров. По мере того, как Западная Европа осознает, что в ее раздробленном состоянии она теряет конкурентоспособность с США и Японией с их передовой техникой, возможность особых экономических отношений с Востоком становится все более заманчивой. Опасение, что Америка может предпочесть своим атлантическим связям тихоокеанские, также влияет в этом направлении, оправдывая расширение экономических связей, а потенциально и политического соглашения между устаревающей Западной Европой и еще более отсталым советским блоком — естественным потребителем товаров, производимых Западной Европой.

Население Восточной Европы, не надеясь больше на освобождение с помощью США, интенсивнее, чем большинство граждан Западной Европы, мечтает об истинной Европе, которая сможет освободить их от советского ярма. Эта мечта объясняет необычайно высокий авторитет, которым пользуется до сегодняшнего дня в Восточной Европе имя де Голля — лишь потому, что он выдвинул идею „Европы до Урала”. Этим же объясняется особая

популярность Папы Иоанна Павла II, чье видение духовного единства Европы имеет очевидное политическое значение. Но восточные европейцы удовлетворятся и половиной каравая, если они не смогут получить его целиком. Выбирая между безраздельным советским господством, лишь изредка подвергаемым политическому испытанию со стороны США, и пусть медленно растущими связями даже со слабой в политическом отношении Западной Европой, они, без сомнения, предпочтут последнее.

Все сказанное выше не означает, что Европа согласится войти в сепаратное соглашение с Советским Союзом. Однако следует иметь в виду, что потенциально растущая восприимчивость Западной Европы к советской политике основана в большей степени на теории Литвинова, чем на практике Сталина. Советская политика, более тонко использующая продолжающуюся разобщенность Европы, рост недовольства в США по поводу недостаточных усилий европейских стран в области обороны, а также безусловную привлекательность эскепистских идей по разоружению ядерных вооружений и т. д., может существенно повлиять на общественное мнение как в Европе, так и в Америке. При определенных условиях склонность США к уходу из Европы может неожиданно регенерироваться. Консерваторы могут поддержать такую тенденцию в раздражении, вызванном нежеланием европейцев предпринять большие усилия в интересах общей обороны, а либералы могут предложить такой путь, поскольку в последнее время они привыкли „решать” трудные проблемы, связанные с безопасностью, выбирая отступление. В любом случае, дефицит государственного бюджета США заставит Конгресс более критически отнестись к размерам расходов, которые Америка должна нести в связи со своими обязательствами по отношению к НАТО.

В самой Европе более изощренная „литвиновская” политика СССР была бы направлена не на ликвидацию НАТО, а на лишение его какого бы то ни было политического или военного значения. Используя амбивалентность чувств немцев и растущие связи между Бонном и Восточным Берлином, СССР добивался бы превращения Германии в квазинейтрального члена НАТО, что вызвало бы еще большую тревогу и раздробленность в Западной Европе. Вместо концентрации усилий на достижении прямого

и ощутимого политического поражения Америки в Европе, СССР может использовать нежелание европейцев объединиться с Америкой и таким образом добиться молчаливого согласия европейцев на подчинение Москве.

Европа, зависимая в военном отношении, раздробленная политически и с устаревающей экономикой становится все более уязвимой для подобного „обольщения” со стороны СССР. Такое утверждение не следует считать лишь проявлением пессимизма. Иными словами, советское мирное наступление чревато серьезной опасностью, что Москва, в конце концов, добьется раскола между Европой и Америкой и, воспользовавшись нарастающей исторической усталостью Европы, достигнет, наконец, ее „ялтинизации”.

VII

Как заметил президент Миттеран пару лет назад, „tout ce qui permettra de sortir de Yalta sera bon...”^{*} Но как нейтрализовать последствия Ялты? Должен же быть сейчас, сорок лет спустя, лучший выбор, чем разделенная и обессиленная Европа, увековечивающая американо-советскую конфронтацию, или разобщенная Европа, отделенная от Америки и мало-помалу соглашающаяся на советское господство в Евразии. Но существует и третья возможность: возрождение политически жизнеспособной Европы, менее зависимой в военном отношении от Соединенных Штатов. Если Америка, вооруженная современным видением истории, поощрит движение Западной Европы в этом направлении, то в результате это может привести к значительному изменению отношений Западной Европы с Восточной и с Россией.

Этот третий выбор потребует такой долговременной стратегии, которую Запад не мог осуществить в условиях, сложившихся в Европе после Ялты. Отправной точкой такой долговременной стратегии должно стать обоюдное понимание важного урока, полученного на опыте последних нескольких десятиле-

^{*} „Все, что дает возможность отойти от Ялтинского соглашения, полезно...” – Пр. пер.

тий: исторический баланс в Европе может быть постепенно изменен в пользу Запада только тогда, если к западу от Эльбы России будет противостоять не столько Америка, сколько Европа.

Более того, вдумчивые европейцы сознают, что будущее Европы тесным образом переплетается с будущим Германии и Польши. Без ликвидации каким-либо мирным образом разделения Германии невозможно существование истинной Европы, а продолжающееся подчинение Польши Советскому Союзу создает геополитические условия для русского контроля над Восточной Германией. Поэтому создание предпосылки зарождения Большой Европы требует мирной трансформации отношений между Россией, с одной стороны, и Польшей и Германией, – с другой.

И американцы, и европейцы должны не упускать из виду, что разделение Европы – это не только уродливые последствия ее разрушения в двух мировых войнах, но и неустойчивая и потенциально опасная ситуация, способная в перспективе породить новый взрыв в Восточной Европе, вызвать коренную и дестабилизирующую переориентацию Западной Европы, особенно в связи с тем, что многие европейцы воспринимают существование двух союзов по разные стороны границы, разделяющей Европу по центру, как стремление сверхдержав увековечить статус-кво.

Соответственно, концентрация на чисто военных аспектах отношений между Востоком и Западом, так же, как попытка заручиться западноевропейской поддержкой позиции США на Ближнем Востоке или в Центральной Америке, не поможет сохранить западное единство. Америка должна сделать все возможное, чтобы ассоциировать себя в глазах большинства европейцев с целью, имеющей для них важнейшее эмоциональное значение. Ликвидация разделения Европы, столь необходимая для ее духовного возрождения – цель достаточно высокая в глазах западных демократий и способная возродить ощущение общего исторического предназначения.

Но прямая победа Америки над Россией, которая привела бы к возрождению Европы, невозможна. Вряд ли это возрождение достижимо и путем переговоров, так как их результатом

должно быть недвусмысленное согласие России на освобождение от ее господства Восточной Европы. Москва не уступит добровольно. Большая Европа возможна лишь как результат сознательного и мало-помалу осуществляемого процесса перемен, так сказать исторической уловки, которую не удастся быстро обнаружить и нелегко остановить.

Запад должен организовать этот процесс и дать ему соответствующее направление. Отправной точкой для этой общей цели должен стать анализ стратегии, включающей пять политических, экономических и военных аспектов. В какой-то части эта стратегия потребует сравнительно простых действий, очевидных из краткого объяснения. Другие станут возможны лишь в результате сложных перемен, путь к которым может оказаться достаточно противоречивым и потребует развернутой аргументации в свою пользу.

Во-первых, в символическом плане было бы полезно, если бы лидеры западных демократий, скажем, в годовщину Ялтинской конференции, выпустили торжественную декларацию, в которой была бы ясно выражена позиция Запада по отношению к наследию этой конференции. В публичном осуждении разделения Европы Запад должен подтвердить свою веру в принадлежность всех народов Европы к подлинно европейской цивилизации, к Европе как к политической единице, которой необходимо предоставить право на самореализацию. Необходимо подтвердить право каждой европейской нации на выбор социально-политической системы в соответствии с ее историей и традициями. Эта декларация должна недвусмысленно осудить и отвергнуть насаждение Москвой в европейских странах системы, абсолютно чуждой им в культурном и политическом отношении. Наконец, указав на положительный опыт нейтралитета Австрии и Финляндии, этот документ должен содержать обязательства, что истинная Европа не будет означать расширения американской сферы влияния на европейские страны, пограничные с СССР.

Во-вторых, в прямой связи с осуждением последствий Ялтинской конференции, Запад должен одновременно подтвердить свою верность принципам Заключительного Акта, подписанного в Хельсинки. Это абсолютно необходимо, так как в противном случае осуждение решений Ялтинской конференции

даст Советскому Союзу удобный повод для утверждения, что территориальная целостность Польши и Чехословакии снова находится под угрозой. Хельсинкские соглашения подтвердили прочность нынешних границ в Центральной и Восточной Европе, и восточноевропейские нации должны быть снова заверены в этом. В то же время Хельсинкские соглашения узаконили право обсуждения западными странами внутренней практики восточноевропейских правительств и что уважение прав человека — одно из основных международных обязательств. Соответственно, аннулирование исторического наследия Ялтинской конференции должно сопровождаться подтверждением приверженности Запада идее мирных взаимоотношений между Востоком и Западом, поддержанием существующего территориального статуса-кво, концепции о неделимости свободы и прав человека.

Больше того, подтверждение верности Запада принципам Заключительного Акта совещания в Хельсинки могло бы помочь найти выход из потенциально опасной амбивалентности Европы по отношению к Германии. Дело в том, что хотя европейцы не могут смириться с разделом Европы, они почти в той же степени страшатся воссоединения Германии. Поэтому пересмотр последствий Ялтинской конференции — раздела Европы — должен сопровождаться четкими заверениями — путем подтверждения принципов Хельсинки, — что целью устранения разлада между Востоком и Западом в Европе является не ликвидация какого-либо существующего ныне европейского государства, а предоставление всем европейским народам возможности полного участия в широком общеевропейском сотрудничестве. В этом контексте раздел Германии можно будет преодолеть не столько путем формального объединения, сколько при помощи постепенного создания гораздо менее опасной свободной конфедерации этих ныне существующих государств.

В-третьих, в соответствии с духом этих символических актов Западная Европа должна стремиться предоставить Восточной Европе максимальную возможность участия в различных общеевропейских организациях. Сегодня наблюдается расширение подобных институтов, как частных, так и общественных. Нужно всячески поощрять восточноевропейские государства — негласно, но систематически — к расширению их участия (в начале хо-

ты бы лишь в качестве наблюдателей) в таких организациях как Европейский парламент, так же, как и в множестве других более специализированных объединений. Стимулирование в Восточной Европе европейского духа и более глубокого понимания предназначения Европейского континента как более великого, чем может показаться с первого взгляда, отвечает интересам всей Европы. Но для достижения этого необходимо предпринять энергичные усилия.

Было бы также полезно, если бы в 1985 году – в годовщину Ялтинской конференции крупнейшие западноевропейские государства, а также США оказали поддержку – в частном или общественном порядке – серии семинаров и конференций, посвященных будущему послеялтинской Европы. Необходимо предпринять особые усилия для привлечения представителей Восточной Европы к участию, на каких угодно основаниях, в дискуссии, призванной в течение этого года достичь более широкого согласия по поводу того, как лучше всего мирными средствами добиться пересмотра исторического наследия Ялтинской конференции.

Кроме того, Западная Европа должна возобновить усилия, предпринимавшиеся прежде, однако в последнее время прекратившиеся, для установления более тесных контактов, а впоследствии даже и определенных форм сотрудничества между Общим рынком и Восточной Европой. В настоящее время какие-то практические отношения с этой важной западноевропейской организацией имеют Восточная Германия и Югославия. Поскольку нынешнее советское руководство всячески форсирует экономическую интеграцию стран – членов СЭВа с СССР, сейчас особенно необходимо усилить инициативу со стороны Общего рынка. Даже если восточноевропейские страны под давлением СССР отвергнут предложения Запада по поводу более близких контактов, обмена информацией и осуществления совместных проектов, эта инициатива Запада все-таки дала бы положительный эффект. Недавно продемонстрированное желание Восточной Германии укрепить межгерманские связи, даже с риском вызвать недовольство СССР, отражает растущее стремление, а также экономическую необходимость для Восточной Европы в более тесных связях с остальными странами континента. Продолжаю

щийся экономический застой систем советского типа особо благоприятствует усилению такого рода активности со стороны Запада.

В-четвертых, и отнюдь не в противоречии всему сказанному выше, Западная Европа должна усилить помощь тем силам в восточноевропейских странах, которые активно борются за политическое освобождение. Эта борьба всегда сопутствует и, по крайней мере, частично является причиной эволюционных перемен в Восточной Европе. Частенько, однако, западноевропейские мечтатели о более независимой Восточной Европе косо поглядывают на тех на Востоке, кто прибегает к прямым методам борьбы. По мере того, как обхаживание восточноевропейских официальных лиц становится на Западе все более модным и престижным, практическая помощь тем, кто сопротивляется тоталитаризму, нередко рассматривается как действия „в духе холодной войны”.

Однако разделение функций между Америкой и Европой, при котором первая в одиночестве занималась бы поддержкой „подрывной деятельности” диссидентов, в то время, как вторая была бы занята официальной придворной дипломатией, может быть чревато весьма неблагоприятными последствиями. Западная Европа должна присоединиться к той поддержке, которую Америка, заботясь о судьбе Европы и о своей собственной, весьма великодушно оказывает на протяжении более чем трех десятилетий. Франция и некоторые другие европейские государства недавно поддержали движение „Солидарности” в Польше. Радио „Париж” приобретает все больше слушателей в Восточной Европе. Однако необходимо добиться гораздо большего. Так, канцлер Хельмут Шмидт практически выступил с поддержкой военного режима Войцеха Ярузельского в Польше, Германия уподобилась по существу чисто гуманитарной частной благотворительной организации и не проявляет должной активности в поддержке политических начинаний в Восточной Европе, добивающихся трансформации существующих там режимов.

Западная Европа должна помогать таким попыткам своих восточноевропейских братьев весьма осторожно, но в то же время последовательно, так как в век транзисторов и массо-

вых средств связи тоталитарный контроль уязвим и таким путем можно достигнуть определенного положительного политического эффекта. Западная Европа, на самом деле, должна быть прямым партнером в борьбе за будущее Европы, а хорошо финансируемый Франко-Англо-Германо-Итальянский консорциум (фундамент послеялтинской Европы) имеет возможность помогать усилиям восточноевропейцев мирным путем освободить восточную часть континента. Это было бы важным и давно ожидаемым вкладом в общее дело.

В-пятых. Настало время для более фундаментального переосмысления связи между безопасностью Запада и политическими переменами в Европе в целом. Запад в состоянии предпринять необходимые для этого шаги, а Америка, поскольку ей принадлежит главная военная роль, должна взять на себя функции лидера в этом направлении. Присутствие Америки в Европе необходимо, чтобы сдерживать Россию и не только от военной агрессии, но и чтобы препятствовать ее политическому давлению. Это очевидно, и именно этим оправдывается существование НАТО и американское военное присутствие на континенте. Однако это военное присутствие, расхолаживая желание европейцев политически объединиться и, в то же время, усиливая стремление СССР сохранить полную боевую готовность в Центральной и Восточной Европе, остается военным присутствием и не подкрепляется тонким политико-историческим расчетом. Для защиты Западной Европы и ради перемен в отношениях между Востоком и Западом необходим сбалансированный набор военно-политических средств.

Если Европа действительно стремится к политическому возрождению, она должна стать активней в вопросах собственной обороны. Такая Европа будет гораздо меньше нуждаться в американском военном присутствии. Или хотя бы сделает его качественно другим. Европа, способная сама защитить себя, будет гораздо более жизнеспособной политически, и в то же время будет представлять гораздо меньшую угрозу для СССР в чисто военном отношении, чем Европа, в центре которой сосредоточены крупные американские военные силы. Такая Европа сможет гораздо лучше поддержать стремления Восточной Европы к более близкому сотрудничеству и в то же время такое

сотрудничество не будет рассматриваться как поражение России, нанесенное Америкой.

Но Европе необходимо подталкивать в этом направлении. Если не делать этого, все останется по-старому из-за традиционного гедонизма Европы и ее политического самодовольства. Даже весьма умеренное обязательство, принятое европейскими членами НАТО в 1978 году по поводу ежегодного увеличения военных расходов на три процента, не было выполнено большинством европейских стран. Поэтому Америка должна приступить к долговременным и постепенным изменениям характера своего военного присутствия в Европе, объяснив при этом своим европейским партнерам, что действия эти предпринимаются не под влиянием гнева или в качестве угрозы (наподобие резолюции Мэнсфилда), а являются результатом стратегии, имеющей целью достижение единства Европы и ее историческое возрождение.

Соединенные Штаты в рамках НАТО ответственны в основном за противостояние стратегической силе СССР, т. е. должны препятствовать и прямой атаке, и ядерному шантажу со стороны Советского Союза. Но это действительно при условии, что защита Европы в течение следующего десятилетия в большей степени будет возложена на самих европейцев. Процесс постепенной, но не полной (и, конечно, не на территории Берлина) замены военных подразделений США может быть ускорен, если в результате переговоров о взаимном и равном сокращении сил Советский Союз согласится вывести аналогичные наземные силы. Но в любом случае этот процесс должен сопровождаться усилиями европейских государств, принятием ими на себя большей ответственности по защите Европы не только на чисто национальной основе, но и в рамках общей скоординированной программы обороны.

Соединенным Штатам следует особенно поощрять франко-германское военное сотрудничество и возможную интеграцию. Франция обладает историческим чувством принадлежности к Европе, а Германия более всех переживает разделение Европы. Франко-германская армия будет обладать необходимыми людскими ресурсами и боевым потенциалом, достаточным для заполнения вакуума от постепенного уменьшения американского военного присутствия на территории Европы. Возможное слия-

ние этих двух национальных сил в объединенную военную силу стало бы гигантским шагом на пути к политически жизнеспособной Европе и одновременно — к смягчению конфликта с Советским Союзом по сравнению с его конфликтом с нынешней Западной Европой, на территории которой размещены значительные военные силы США. Угроза была бы меньшей и для Восточной Европы, по сравнению с наличием мощной отдельной армии Германии. Постепенное сокращение военного присутствия США создавало бы давление на СССР даже со стороны нынешних восточноевропейских режимов, что вынуждало бы Советский Союз к передислокации войск, в результате чего могла бы возникнуть более гибкая политическая ситуация.

Чтобы сдвинуть Европу в этом направлении, Соединенные Штаты должны сделать первые шаги, возможно, даже односторонние, приняв рассчитанную на десять лет программу ежегодного сокращения своих военных сил на территории Европы. Однако эти шаги могут быть предприняты лишь в контексте четко сформулированной стратегии, рациональной как в политическом, так и в военном отношении. Политические цели этой стратегии должны быть заявлены открыто: создание предпосылок для возрождения Европы и, как следствие, более стабильных отношений между Востоком и Западом. При этом должно быть абсолютно ясно заявлено, что определенный контингент американских военных сил останется в Европе, как остался он в Корее, гарантируя таким образом немедленное американское вмешательство в случае конфликта. Более того, и в будущем американская стратегическая защита Европы не должна ограничиваться лишь возможным применением ядерных средств. Со временем, по мере развития технологии, следует включить в план американской защиты определенные виды стратегической обороны. По мере того, как для Америки все большее значение будет приобретать стратегическая оборона, основной целью США должно стать распространение этих средств и на Европу.

Разделение функций внутри НАТО указанным выше путем может способствовать рассмотрению, примерно к 50-летию Ялтинской конференции, в том же ключе таких политических и военных аспектов отношений между Востоком и Западом, обращение к которым в настоящий момент кажется преждевремен-

ным, нереалистичным, или чересчур опасным с точки зрения Америки или России. Речь может пойти об установлении демилитаризованных или неядерных зон, или же о распространении нейтралитета австрийского типа на другие страны, а со временем и об образовании конфедеративной Германии. Это поощрит стремление к переменам, которые вызовут постепенный выход на поверхность неосуществленных или скрытых стремлений народов Восточной и Западной Европы к ее возрождению. Это позволило бы Европе укрепиться и играть ведущую роль в Евразии совместно с Советским Союзом, Индией и Китаем, а связи с Америкой гарантировали бы, что ни одна из этих сил не сможет добиться доминирования на важнейшем в геополитическом отношении континенте.

VIII

До пятидесятилетия Ялтинской конференции осталось всего 10 лет. Нашей общей целью должно стать создание к тому времени военно-политического порядка, который вместо увековечивания раздела Европы — и, возможно даже, углубления политического бессилия Западной Европы — создал бы предпосылки для мирного аннулирования результатов Ялтинской конференции. Западная Европа, рассчитывающая на собственные силы в региональной обороне, но под защитой американской системы ядерного сдерживания, а впоследствии системы стратегической обороны США, была бы наиболее способной к проведению положительной политической линии в отношении Восточной Европы, не опасаясь при этом Москвы. Как бы то ни было, только европейцы могут возродить Европу, и никто другой не может это сделать за них.

Без сомнения, Москва будет препятствовать этим устремлениям европейцев. Ни одна империя не согласится добровольно на собственный распад — по крайней мере до тех пор, пока не станет очевидным преимущество постепенного ослабления существующих уз по сравнению с растущей ценой сохранения имперской системы. Это действительно и по отношению к советской империи. Москва будет яростно сопротивляться любой деэвакуации Западом результатов Ялтинской конференции и возла-

гать на Запад вину за ухудшение отношений; этого следует ожидать. Но такая открытая дезавуация необходима на пути к целенаправленным усилиям европейцев по постепенному устранению раздела континента. Как только будет взято такое историческое обязательство, усилия эти, как и рекомендуется в данной работе, не должны быть агрессивными или чересчур явными. Со временем, по мере органичного роста условий для создания Большой Европы, Кремлю будет все труднее сопротивляться процессу, который с годами может стать исторической неизбежностью. В определенный момент даже Советский Союз может признать полезным зафиксировать вновь возникшие формы нейтралитета в Центральной Европе и пойти на сокращение, а затем и на вывод своих оккупационных сил.

Не следует недооценивать способность Москвы применяться к обстоятельствам. Даже Сталин, несмотря на всю его беспощадность, примирился с существованием независимой католической церкви в Польше; точно так же Хрущев примирился с польским сельским хозяйством, свободным от коллективизации, и с особой внешнеполитической линией Румынии, а Брежнев с „гуляш-коммунизмом” в Венгрии и с установлением военного режима в Польше. Почему же нельзя заставить следующее поколение советских руководителей осознать, что интересам советского народа более соответствует не столь раздраженная и подавленная Центральная и Восточная Европа, а Восточная Европа, участвующая во всеевропейском сотрудничестве?

При вступлении Европы в пятое послеялтинское десятилетие, важно напоминать, что нельзя добиться ликвидации результатов Ялтинской конференции, следуя какому-то точному плану или же в результате одной значительной инициативы. Формирование будущего не может осуществиться по графику с четко обрисованными фазами и детальными соглашениями. Скорее этот процесс требует четких обязательств и ощущения стратегического направления перемен, которые сами по себе будут развиваться по собственным динамическим законам. Во всяком случае, для Америки возрождение жизнеспособной Европы было бы явлением положительным, так как безусловно, что существование плюралистического мира – в истинных интересах США. Такое развитие предотвратило бы к тому же опасность, что результаты

Ялтинской конференции, не аннулированные продуманным и мирным путем на Востоке, со временем станут реальностью и для Запада. Другими словами, Ялтинская конференция должна стать прошлым Европы, чтобы не стать ее будущим.

Перевод Льва Вайнштейна

Редакция и сотрудники журнала „Проблемы Восточной Европы” поздравляют Валерия Чалидзе с награждением премией Фонда МакАртура, присужденной за его общественную и публицистическую деятельность.